не класть

В преддверии 70-летия Великого Октября мы попросили трех исполнителей роли В. И. Ленина в театре и кино поделиться своими мыслями о работе над великим образом. Сегодня на нашей полосе выступают:
Александр КАЛЯГИН,
Кирилл ЛАВРОВ,
Михаил УЛЬЯНОВ.

Так победим!

А. Калягин. Интересно, раньше кому-нибудь из вас приходила мысль — сыграть Ленина?

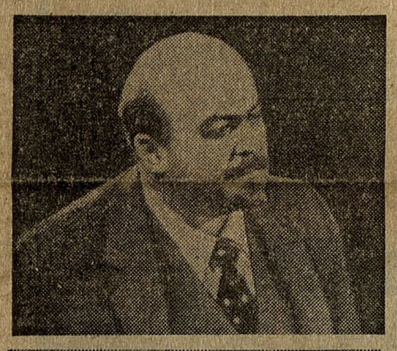
К. Лавров. Она возникла со стороны. Году в шестидесятом режиссер Анатолий Рыбаков, ныне покойный, ставил на «Мосфильме» картину «В начале века» — о первых годах революционной деятельности Ильича и пригласил меня на пробу. Гримировал Антон Иосифович Анджан.

М. Ульянов. Знаменитый. Он еще со Щукиным работал.

К. Л. Да всех он гримировал... Анджан посадил меня в кресло, приложил бородку, усы; все в зале зашептались, заохали: «Похож, похож...» Я затрепетал весь: похож! Потом он сказал: «Теперь все уходите—буду работать». Часов шесть работал, и с каждой минутой я становился все меньше и меньше похож. Конечно, не утвердили... В роли молодого Владимира Ильича тогда впервые снялся Юрий Каюров. И я посчитал, что это для меня навсегда закрытая тема. Вот почему, когда Виктор Трегубович стал снимать «Доверие» и пригласил меня на пробы, я категорически отказался. Он долго уговаривал, наконец я сказал: хорошо, только пусть гример приедет в театр, быстренько загримирует, фотограф щелкнет, и ты поймешь, что — бессмысленно. Так и сделали: приехал мальчик. «Как вас зовут?» — «Вадик». — «Вадик, имейте в виду: совершенно бесперспективное занятие. Давайте быстренько, раз я обещал». Он так и сделал, еще кисточкой поводил: чтоб парик не надевать, надели первую попавшуюся кепку; фотограф щелкнул... А через неделю я получил телеграмму Госкино с красным грифом: поздравляли с утверждением на роль.

Для меня это оказалось полной неожиданностью, к роли Ленина я не считал себя готовым и дико перепугался. Большим подспорьем, правда, было то, что с темой я в какой-то мере познакомился еще до того в нашем спектакле на Малой сцене — «Защитник Ульянов», где я играл молодого Владимира Ильича.

Так что, возвращаясь к вопросу: о роли Ленина я, конечно, не мечтал.



М. У. Таких мыслей, я думаю, ни у одного актера не должно возникать. Потому что вообще играть Ленина нельзя. Невозможно сыграть гения простым смертным, коими являемся мы. Тем более личность, которая предстает перед нами в совершенно особом свете. Гений — некое другое измерение, оно нам неподвластно. А мы начинаем мерить его на свой мирской аршин. Иногда понимая, что мирской, а иногда считая «свой аршин» единственной мерой в искусстве. Что совсем уж глупо.

Но раз существуют драматургическая Ленониана и театральные версии знаменитых исторических дней и эпох, то, когда актеру поручают роль Ленина, он приступает к работе, хорошо понимая всю тщетность своих усилий. В этом смысле, подходя к великому образу со своим актерским мерилом, я лично ощущаю свою полную... я бы сказал так: полную растерянность перед тем, с чего начинать.

Как подойти к воплощению характера? Как отобразить величие Ленина, его ум, его стратегическую и тактическую гибкость, его поразительное антидогматическое житие — вообще, в принципе? Я льщу себя надеждой отобразить лишь какую-то грань характера. Только грань.

К. Л. В работе над образом Владимира Ильича у всех были какие-то одинаковые этапы: чтение ленинских работ, воспоминаний о нем, посещение музеев. Но вот, скажем, такая простейшая вещь — фотографии. Всем известные, тысячу раз виденные. Я стал их рассматривать через увеличительное стекло. И такой элементарный, казалось бы, чисто механический процесс привел меня к большим открытиям: я увидел ниточки обшарпанных рукавов на пиджаке, пуговицу, которая держится на честном слове... И вдруг я почувствовал в нем живого человека. Не ретушированного, не заглаженного...

Смотрю опять на фото—и вижу удивительно раскованного человека. Тогда ведь процедура фотографирования была довольно сложной и утомительной. К тому же мы, каждый из нас, и сейчас-то, видя на себе объектив камеры, всегда как-то внутренне поджимаемся и стараемся быть красивей, чем есть на самом деле. А Ленин на снимках необычайно прост и свободен, что тоже говорит о каких-то чертах характера. Если он сидит и на спинке дивана лежит рука, она всегда очень легкая, свободная, не напряженная: нет испуганных, застывших глаз — даже с юмором наблюдает процесс съемки...

Современники вспоминают, что Владимир Ильич был необыкновенно контактен, как мы сказали бы сейчас, умел «разговорить» любого, и человек был с ним откровенен, потому что не ощущал своей неполноценности рядом с такой огромной фигурой.

Это простое качество, присущее по-настоящему интеллигентному человеку, для меня было очень важно, и его, так сказать, документально засвидетельствовали те же фотографии.

А. К. Вы оба можете сыграть все, но, глядя на вас, вспоминаешь о театральном амплуа «социальный герой». А я и выпускался как комик, и играл комические роли. Роль Ленина — такого даже присниться не могло. Больше того, когда во МХАТе зашел разговор о постановке пьесы Шатрова «Так победим!», я подумал: ну, там-то мне делать нечего, за время репетиции будет возможность сняться в фильме — я давно обещал. Потом все получилось случайно.

Я как-то стоял с приятелем на улице и «голосовал». Такси, понятно, нет. Вдруг останавливается машина, за рулем — Шатров. «Подвезти?» — «Если можно...» — «Подвезу, если вы сыграете Ленина в спектакле «Так победим!». Я опешил... Думаю, глупая шутка — как на нее ответишь? «Что вы, что вы, Михаил Филиппович...» А потом начались длинные-длинные разговоры. Ефремов как-то пришел — долго говорил, потом завлит Смелянский — тоже очень долго, опять Шатров. Я долго отказывался. Во-первых, потому что не мое — по актерским данным. Во-вторых, боялся повториться — ведь были прекрасные исполнители: Щукин — один из моих любимых актеров, Штраух, Каюров, вы оба... Думаю: никогда я не сыграю. И опыта в таких политических ролях нет — не на что даже опереться. Ну хотя бы мало-мальски. И, повторяю, не мое — ни лица, ничего...

К. Л. А я вот на своем примере понял, что стремиться к фотографической похожести — гиблое дело. Невозможно добиться. Тем более что в таком случае не может быть и речи, чтобы что-то еще пытаться изобразить на лице, играть что-то, потому что все залеплено, все чужое — только испуганные глаза торчат.

А. К. Но у меня — я говорю о себе — перед глазами стоял образ, созданный Щукиным: там-то Ромм добивался портретного сходства.

К. Л. Просто было более подходящее лицо. Но если откровенно, так он...

М. У. Тоже был не очень похож.

К. Л. Да никто фотографически точно не похож.

М. У. Больше всех — Каюров.

А. К. Он еще и по-новому сыграл.

К. Л. Что очень важно. Почему мне и кажется, что внешнее сходство — не главное. Если удается убедить, что Ильич мог быть и таким и люди поверят — значит, удача. Но зато тогда остается свобода маневра и возможность жить в образе, не обременяя себя тщетной надеждой добиться полного внешнего сходства. Поскольку и без того задача, которая вдруг встает перед тобой, давит до такой степени, что ты как актер лишаешься возможности свободно и самостоятельно мыслить и работать над ролью. Все время невольно перед глазами какой-то монументальный образ — в бронзе, мраморе, граните, и еще великие щукинские образцы давят. А это сразу убивает творческую инициативу. Напрочь.

М. У. Мне думается, что Щукин выступил в роли Ленина в первых своих подходах — в «Человеке с ружьем» в театре и в «Ленине в Октябре» и в «Ленине в 1918 году» в кино — как великий актер. Он сыграл не столько, может быть, стратега и тактика, не столько, может быть, вождя, сколько поразительно живого и обаятельного человека. Если приглядеться сейчас к работе Щукина, то мы увидим: в основном все построено на том, что он действительно живее всех живых, поразительного обаяния, демократизма и какой-то необыкновенной человеческой светлости. Борис Васильевич сделал это грандиозно и вошел в историю как первый непревзойденный исполнитель роли Ленина. Беда в том, что последователи Щукина довели эту его линию до абсурда.

К. Л. В театральных и киноработах появилось отношение к Владимиру Ильичу как к божеству.

А. К. Что, кстати, культивировалось и всячески поощрялось.

М. У. Появились какое-то мещанское умиление, облизывание со всех сторон, какая-то сентиментальность, банальность, которые были заключены в драматургии и очень часто в исполнении. Не уважали, а лебезили. И Ильич получился во многих спектаклях и фильмах человеком, приятным во всех отношениях, что не имело ничего общего с реальным Лениным. С великим человеком, который перевернул Россию-матушку. Не мог возглавить революцию человек, приятный во всех отношениях. Ну, не мог! Доходило до абсурда: умилялись тому, что Ильич здоровался с людьми, и это выдавалось за верх демократизма. Хотя вежливость, она естественна для любого нормального человека, тем более для такого культурного и воспитанного в прекрасной демократичной семье.

К. Л. Вот почему, вопреки такой традиции, в «Защитнике Ульянове» для меня было самым важным попытаться сыграть человека. Нормального. Не делая из него в житейском плане нечто сверхчеловеческое, не обожествляя. Представить его со своим характером, своими привычками, своим взглядом на вещи. То есть живым человеком.

М. У. У меня было иначе. Ленин — это ведь история. Хотя он и живее всех живых, но существовал-то в определенные годы, в конкретный период нашей советской и мировой истории... Я бы выразился так: в каждой работе я пробую ставить себе какие-то конкретные задачи. Ну, скажем, «Человек с ружьем» в Театре Вахтангова — первая моя работа. Пьеса написана в определенные годы, и многого нельзя было сыграть. Тем не менее — о чем там речь? Об Октябрьской революции. Сейчас мы не можем себе даже представить, какого напряжения всех сил потребовала революция. И не мог Ленин, находясь в гуще Смольного, занятый сотнями неотложных дел, оставаться «просто обаятельным». Это был человек смертельно усталый, нацеленный, как нож. Таким я и попробовал его играть.

«Штрихи к портрету Ленина» — четыре телефильма по сценарию Михаила Шатрова. К сожалению, если судить по многим нашим произведениям, у Ленина на все случаи жизни были готовые ответы. Это другие сомневались, искали какие-то пути, а Ильич, мол, всегда знал верное решение. Отнюдь нет. И ему приходилось искать. То был мучительный процесс размышлений о новой социальной формации, доселе невиданной. Чудовищная жизнь человека, постоянно ищущего выход из ежеминутно возникающих непредвиденных, самых запутанных ситуаций, которых теория предусмотреть не могла; хорошо понимающего, что все сразу не получится. И т. д.

Поэтому в «Штрихах...» для нас главным было показать этот процесс поиска путей, дорог, верных решений — как угодно назовите. Сам процесс поиска.

К. Л. В ВТО в 60-х годах собрали со всей страны актеров, игравших Ленина. В тот период к каждой дате выпускали спектакль, где обязательно должен был появиться Владимир Ильич. И играли его где угодно, кто угодно и сколько угодно. Многие и в ВТО копировали походку Ленина, его речь, картавили. Человек триста съехались. И, говорят, председательствующий сказал, оглядев зал: «А Гамлет не в каждом театре есть...»

А. К. Понятно, как актер работает над ролью: все время, если заражен. Одевается, кушает, идет по улице, слушает радио, говорит с любимой, а думает об одном. С одной мыслью засыпает, с нею же встает. Так и я: бреюсь, смотрю на себя утром в зеркало — и так сделаешь, и так. Картавить пробовал «пластиночным» голосом, в «жилетные» позы вставал — не знал, с какого бока подступиться. Конечно, книги, фото, музеи, записи — все я тоже читал, видел, слышал. Но главным оказался один месяц работы. Было так.

Когда Шатров прочитал на труппе «Так победим!», начался так называемый застольный период. Почти весь ноябрь 1980 года мы просидели впятером в кабинете у Ефремова: Ефремов, помогавшая ему режиссер Сирота, Шатров, Смелянский и я. Каждый день с 11 до 3, иногда и вечерами с 7 до 10. Читалась пьеса буквально по фразам. Обычно во время застольного периода, вы знаете, актеры шутят, обсуждают, пробуют читать на голос, слушают... Здесь все было иначе.

Ефремов спорил с Шатровым, Шатров соглашался или нет, обижался, хлопал дверью, уходил, два дня не разговаривал, потом возвращался, потом они опять ссорились из-за какой-то фразы, Смелянский то поддерживал Ефремова, то Шатрова, то мирил их. Скажем, Шатров говорил: «Эта фраза необходима, потому что если Троцкий ее не скажет, то... А здесь нужна фраза Ленина, если мы ее не вставим, будет неверно политически, потому что тогда он уже думал о...» Бывали дни, когда проходили по полстраницы.

Для меня это был удивительный политический урок, который я усваивал, видя, как работают люди, как спорят. Я могу себе представить: так работали в Совнаркоме — тогдашнем, времен революции. Так спорили люди, которые делали одно общее дело. Предлагали разные пути, но дело было одно и цель одна, потому что спорили единомышленники.

Это фантастически, это для меня незабываемо. Ведь, по сути, до работы над пьесой что я знал? На уровне школы. Вот — как Михаил Александрович говорил: «человек, приятный во всех отношениях». Ну и скучный. Надо быть человечным? Надо! Надо быть добрым? Надо! Надо гладить кошек? Надо! Все согласны? Все! Нет проблем? Нет! Так нас учили.

Что — нам долго рассказывали, как ему было трудно? Как случилось, что партийный съезд отверг его предложение переместить Сталина с поста Генерального секретаря? Как было одиноко в последний год жизни? Кто об этом говорил? Кто мог сказать? Кто бы разрешил?..

Но вот, скажите, сколько такой спектакль — «Так победим!» — может делаться?

К. Л. Вопрос ко мне? Но я-то знаю: три месяца.

А. К. Три. Включая «застольный».

Ефремов работал с ожесточением. Сидя за столом, играл за всех и текст проходил «кровью, мясом». Человек он очень социальный. А значит, слышит, что подсказывает жизнь, и знает точный адрес пьесы. В общем, в темпераменте Ефремова, в его ожесточении, в его «кровавых» глазах я почувствовал нерв роли. Хотя весь месяц, как в музее, сидел, молчал и только слушал. Иногда, правда, Ефремов кидал фразу: «Ну, тебе так удобно будет?» Я мямлил: «Вроде да...»

Я считаю, моя роль была сделана в этот месяц. Но помогло и еще одно: мне довелось прочитать книги тех, кто не принимал советскую систему. И когда после этого я перечитывал ленинские сочинения, то знал, «куда» вкладывать текст, — точный адрес знал. Эти книги включились в работу над образом и убедили меня в правоте слов Ленина.

После роли я стал, как сам заметил, агрессивным.

К. Л. То есть?

А. К. Как всем, мне приходится много ездить по стране, много видеть — и хорошего, и плохого. Когда натыкаешься на плохое, вспоминаешь, что по сходным поводам говорил Ленин, и... «накаляешься».

К. Л. А. это всем знакомо.

М. У. Поразительный был человек — может быть, один из самых гибких и реалистично мыслящих во всей истории. Но парадокс заключается в том, что его последователи почему-то стали страшными догматиками. Страшными, несворачиваемыми. И сейчас мы хлебаем из-за этого догматизма полной мерой — и в экономике, и в культуре, и в морально-нравственной сфере, и во всем прочем. Ленин спрашивал: как можно из-за обрывков книжки забыть действительность? Горький писал, что Ленин любил людей, а не идеи, что ломал и гнул идеи, когда этого требовали интересы народа. А вот поди ж ты — забывается...

Мы сейчас работаем над «Брестским миром» того же Шатрова. Ставит Роберт Стуруа, режиссер очень интересный, удивительно чувствующий пластически выразительную силу театра. История Брестского мира — мучительный и страшный сюжет в жизни Ленина. Момент, когда обстоятельства оказались сильнее прежних установок, когда надо было подчиниться обстоятельствам и принять гнусный, позорный мир, а не шествовать напролом, как бык, за догмой. То был трагический момент в жизни России — в пьесе Ленин прямо говорит: не заключаем мир — теряем революцию. То есть — все. Вот как стоял вопрос: жизнь или смерть.

Поразительна гибкость Ленина. Он говорит Бухарину: по-вашему, получается, что если революционная партия пошла на компромисс, то она перестает быть революционной. И речь в спектакле идет даже не столько о Брестском мире, сколько о творческом, гибком подходе к действительности. Вот что современно — на этом мы сейчас тоже очень скользим. Есть ведь такие, кто не может оторваться от веревочки, за которую держались 70 лет. От догмы. Хотя жизнь гораздо разнообразнее, чем любая догма.

И сегодня надо быть не столько верным неким окаменевшим воззрениям, сколько умным. Не столько «железобетонным», сколько разумно понимающим, к чему мы пришли и что происходит.

Вот так — почти через 70 лет вспоминается один из заветов Ильича: «Поближе к жизни».

К. Л. Он действительно обладал этим потрясающим качеством — никогда не жил в плену догм. Была огромная внутренняя свобода маневра. Когда он, почувствовав, что жизнь гнет какую-то теорию, мог отказаться от нее. Брестский мир, замена продразверстки продналогом, нэп— только три примера, а их тьма.

Другое. Когда один из руководящих работников Архангельска назвал «нелепым распоряжение центральной Советской власти», Ленин по телеграфу объявил ему выговор и добавил: если мы учим дисциплине рабочих и крестьян, то обязаны начать с самих себя.

М. У. О том же не раз говорил Горбачев. Но хотим мы того или нет, а история такая: секретарь райкома, горкома, обкома...

К. Л. Вне критики.

М. У. Вне критики. Много ли критических материалов в местных газетах? Ты же знаешь — с гулькин нос. Упаси боже в местной печати покритиковать местное начальство. Его если кто и критикует, то, как правило, центральная печать. Это мы здесь петушимся, защищенные званиями, положением и т. д. А там — ни-ни.

К. Л. Это постепенно уходит, но еле-еле, медленно, черепашьим шагом, со скрипом.

А. К. Тормоза скрипят...

К. Л. Порой, верно, слова поперек нельзя сказать: сразу истолковывается как нечто, подрывающее основы.

А. К. Ленин, между прочим, писал: надо не видеть «интригу» в инакомыслящих, а ценить самостоятельных людей.

М. У. Кстати, о самостоятельных людях. Вы об «архангельском мужике» Сивкове слышали?

А. К. Недавно «Известия» опубликовали письмо профессора Федорова в его защиту и ответ первого секретаря обкома партии...

М. У. Телепнева. Вот — об ответе. Там Сивков, работающий на семейном подряде, дает мясо дешевле всех в районе, но я не буду касаться существа дела, я его не знаю. Скажу о форме, о тоне ответа партийного руководителя всемирно известному ученому. В самом начале Телепнев обращает внимание на «какой-то обидный тон письма» Федорова. А что пишет сам? «Не слишком ли, профессор?» «Почему, скажите, пожалуйста, вы, высокомерно вознесясь над всеми и всем, вульгарно-возмутительным тоном, без стеснения поносите работников...» И т. д. А в последнем абзаце есть такая фраза: «Мы вам прощаем».

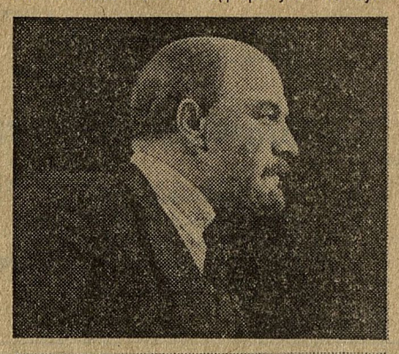
Там еще редакционное примечание любопытное: оказывается, первая статья о Сивкове появилась два года назад, но ни обком, ни облисполком официального ответа в «Известия» так и не прислали. Допускаю, что профессор Федоров в чем-то не прав, даже во многом. Но я прочитал и подумал: мог бы Ильич в подобном тоне ответить? Да никогда!

К. Л. А я вспомнил о том, что в последние два года нас настойчиво призывали овладевать культурой дискуссий, уважительно относиться даже к крайним точкам зрения, корректно вести полемику.

А. К. А я вспомнил старый афоризм: «Стиль — это человек». Ленин как-то писал одному партийцу, что «несть числа случаям», когда по персональным и оргвопросам он в ЦК оставался в меньшинстве. Вот я и подумал: а часто ли наши секретари — обкомов, горкомов, райкомов — остаются в меньшинстве по тем или иным вопросам? Интересно было бы узнать...

М. У. Я вам и другое скажу. Год уже существует Союз театральных деятелей России, многое пытаемся мы сделать — и часто натыкаемся на глухую стену. Все более уверенно звучат чиновничьи голоса: «Не сметь соваться!», «Без вас разберемся!»

Я уже об этом говорил, поэтому повторяюсь. Конфликт в драмтеатре в Новгороде. Поехали мы туда с Олегом Ефремовым, поговорили, договорились, уехали — местные органы сделали все наоборот. Не потому, что не понимают, — нет, они именно хотят подчеркнуть: не суй-



тесь, без вас разберемся. В Волгограде четыре театра горят — результат тот же: без вас разберемся. И т. д.

Так что это сейчас «история с географией» — боюсь, общей. Тут ведь не в одних бюрократах дело — все гораздо сложней.

К. Л. Я тоже ощущаю это. Ко мне, как к депутату, люди идут...

М. У. С жильем.

К. Л. Да, 99 процентов. Причем самое сложное, что прямых нарушений закона в большинстве случаев нет. Есть на человека пять с половиной метров жилой площади — такая норма в Ленинграде, — и все: на учет не ставят. Хотя бывают немыслимые вещи: метры есть, но в комнате живут три семьи, три поколения, и доказать, что так жить нельзя, что надо их поставить на учет, чрезвычайно трудно.

Или другой случай. В Ленинграде есть правило: на учет ставят только тех, кто прописан в городе не меньше 10 лет. Но вот молодая семья: муж, жена, трое маленьких детей, включая грудного, живут в 9-метровой комнате, а поскольку они прописаны 8 лет, на учет их не ставят. И я, депутат Верховного Совета СССР, никому ничего доказать не могу. Не о таких ли случаях Ленин говорил: «нечто формально правильное, а по сути издевательство»?

На первых созывах Верховных Советов — сначала РСФСР, потом СССР — депутатом был Николай Черкасов. Я знаю: его просьба, его бланк были почти полной гарантией, что вопрос будет решен. А сейчас уже несколько привыкли к депутатским отношениям. Научились отказывать, не вникая в существо дела. С легким сердцем.

Сколько раз предупреждали: жалобы, отправленные в центральные органы, не должны возвращаться на тот стол, за которым сидит, так сказать, обидчик. А ведь практически так и есть. До сих пор. Скажем, жалоба возвращается в тот райисполком, на который жалуется заявитель. Что происходит потом? Заявитель идет к депутату, который должен вопрос как-то решить. А как я могу решить, если центральные органы и мою жалобу пересылают в тот же райком или райисполком? Хорошо, пусть в горсовет или в облсовет — зачастую результат тот же.

Так работает механизм торможения — он самый.

Еще. Трое изобрели прибор, он ставится на грузовик и фиксирует все: количество израсходованного бензина, ездок, километров пробега, тонн перевезенного груза. То есть прибор ловит и шоферов-жуликов, и начальников, которые с их помощью выполняют план и остаются не без «навара». Все инстанции, проверявшие прибор, дали ему очень высокую оценку. А внедрить невозможно: ни один директор крупной автобазы прибор не брал — понятно, почему. К кому я только не обращался... Лет 6—7 назад написал наконец в наш Ленинградский обком партии — до сих пор ответа нет. Из троих изобретателей двоих уже нет в живых. Кажется, в Австрии, уже после них, такой прибор внедрили на целом ряде крупных транспортных фирм. У нас же до него никому нет дела. Сразу и вспоминается, как Ленин относился к ученым, к изобретателям...

М. У. А потому, что мы больше цитируем, чем изучаем, чтобы понять. Вот в чем драматизм сегодняшнего нашего отношения к гигантскому ленинскому наследию. Потому что изучать — значит «через него» решать сегодняшние проблемы перестройки.

К. Л. Главным образом, мне кажется, надо учиться его способу жизни, что ли, мышления, его умению действовать. А то одни цитаты подбирали — что Сталин, что Брежнев. И оба были «верные ленинцы».

М. У. А что делали?

К. Л. Почему, кстати, «Штрихи к портрету В. И. Ленина» пролежали на полке 20 лет? Тебе хоть объяснили?

М. У. Ничего мне не объясняли. Причины могу назвать, но это мое мнение — я так думаю, я не утверждаю.

Шатров написал ведь документальные вещи — ленинские слова, известные исторические сюжеты. Но вот до чего мы докатились: даже слова Ленина и позиция Ленина стали казаться опасными. Он стал мешать нам жить «по-нашенски» — тихо, спокойно. Болотисто. Не ругаясь...

Так вот, первый фильм. «Поименное голосование» — о Брестском мире: Ленин в одиночестве, спорит с Бухариным, заявляет о возможности выхода из ЦК. «Да вы что! Да как можно!»

«Полтора часа в кабинете Ленина». Убит Мирбах, выступают левые эсеры. Ленин мечется, ищет решения. «Как это — Ленин не знает решения?! Да у него на все случаи жизни готово решение!»

А «Воздух Совнаркома» вообще попал в десятку. Там известный эпизод — первая прогулка Ленина после ранения, когда его снимали, чтоб рабочие знали, что Ильич жив. Чистая история. Известно, что Ленин был категорически против празднования своего 50-летия. И в картине активно выступает против юбилеев — работать надо. А ты же знаешь, что за время было — юбилеи оказались главными задачами каждого дня, мы все время что-то справляли, кого-то поздравляли, кого-то награждали. Естественно, эта ленинская позиция оказалась «поперек» тем, кто пользовался властью и устраивал себе всякие «семейные» радости.

Наконец, «Коммуна ВХУТЕМАС». Тоже исторический факт: Ленин поехал навестить дочь Инессы Арманд, состоялся разговор со студентами о литературе и искусстве. Ленин сказал, между прочим, что не поклонник Маяковского; впрочем, Анатолий Васильевич лучше его знает... «Как это — Ленин не учит, что такое искусство?!»

Ну, все было «поперек» того времени. И вот результат: 20 лет лежали на полке картины. Ленинские!

Сейчас задают вопросы: кто допустил, кто виноват? Да кто — время...

А. К. У времени всегда есть фамилии, имена, отчества и должности. В то время тоже были люди...

М. У. Были. Шатров и другие не согласились переделывать картины. Их имена известны. И другие имена тоже не секрет — что говорить?

К. Л. Что ты хочешь, если и сами произведения Ленина было очень трудно достать: чтобы почитать тома его первого собрания сочинений, надо было не знаю какой иметь блат. Но я достал...

М. У. Пожалуйста — «Так победим!». Ты же знаешь, с каким мучительством проходил спектакль.

К. Л. Ну, Саша это знает лучше, только он молчит...

А. К. Слушаю... А проходил «с мучительством», верно. Вначале Ефремову запрещали назначать меня на роль: «Тетка Чарлея играет Ленина! Да вы что?! Лавров будет приезжать из Ленинграда»...

Ефремов все же убедил. Вообще, это было удивительное время — весь театр был заражен, я никогда не видел такого подъема. Одна цель, единое дыхание. Ефремов понимал всю сложность прохождения пьесы и хотел убедить готовым спектаклем. Но все же получили мы и рецензию ИМЛ — страниц на 30. Жуткую, разгромную. Полвека назад после такой рецензии... Написал пьесу коммунист Шатров, ставит коммунист Ефремов, завлит — коммунист Смелянский. И всем «шьют политику».

Мы продолжали работать. По-моему, 16 февраля 1981-го состоялся первый прогон: в 8 вечера начали, где-то в первом часу ночи кончили, с остановкой. На другой день сдали худсовету, а через неделю открылся XXVI съезд партии. Надо было сдавать спектакль Министерству культуры СССР. «Придите, посмотрите». Никто не пришел.

Из ЦК звонили Ефремову, состоялся очень тяжелый разговор. Ефремову категорически запретили репетировать, на это он кричал: «Как я буду смотреть в глаза молодежи из школы-студии?! Мы подрываем у них веру!»

Запретили репетировать, продолжать работу. «Ну, хоть придите, посмотрите!» Опять никто не пришел...

Премьеру разрешили только в конце года, 19 декабря...

На этом спектакле я приобрел удивительное умение — различать публику. Ее интеллектуальный уровень, образовательный, социальный, знание материала. Я могу сыграть первый акт и уже точно сказать, кто сидит в зале — по реакциям на кульминации, на смешные реплики, на паузы. Бывает и совсем другое, с чем я столкнулся впервые.

Случается, играешь, словно в вату, — публика не принимает. Но были спектакли, когда я чувствовал: зритель меня ненавидит за текст, который я произношу. Он словно выталкивает меня со сцены. Эта пауза, которая повисает в зале, эти токи... Зрители ведь разные. Одни поражены — впервые слышат какие-то вещи. Другие возмущены — как допустили, чтоб со сцены... Чаще в зале люди, которые любят Ленина, и понимают его, и страдают вместе с ним, и плачут... Но ненависти зала я не ощущал ни в одной роли. Это потрясающее ощущение...

М. У. У меня такого не было. На «Человеке с ружьем» никакой ненависти не будет. А реакция чиновников ясно проявилась в том, что «Штрихи...» 20 лет лежали на полке. Дело давнее... Но парадокс заключается в том, что я репетирую сейчас «Брестский мир» и побаиваюсь. Вот проклятье: сидит в нас...

К. Л. Внутренний редактор.

М. У. Мягко говоря. А проще говоря, страх сидит: Ленина вроде бы так никогда не показывали. Мы говорим «человечный, человечный», а ведь его человеческих-то проявлений, по существу, в картинах нет. Все сводится в основном к одному: «Надя, налей чаю!» Это единственное, что ему позволяют авторы: чаю выпить. А ведь был он человек — живой, всякий. Мы обожествляем его в наших исполнениях, и вырваться из этих тенет, ой, как трудно.

К. Л. У нас в БДТ Георгий Александрович Товстоногов поставил «На дне». К 70-летию Октября! Тоже были разговоры — полушутя, полувсерьез: «Что это вы решили «На дне» ставить? Это что же значит — мы на дне находимся к 70-летию?!» Ходили такие слушки. Видно, крепко еще сидят рудименты прошлой психологии...

12 октября состоялась премьера, присутствовал Горбачев. А по окончании спектакля Михаил Сергеевич пришел за кулисы и первое, что сказал: «Дорогие товарищи, огромное вам спасибо за прекрасный подарок к 70-летию Октября! Это замечательная классическая драматургия, прекрасное исполнение — великолепный образец настоящего театрального искусства».

Так что мы не боялись — и ты не бойся...

Запись диалога и фото Григория ЦИТРИНЯКА